

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Н. А. Почобут,

*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Гродненского государственного историко-археологического музея,
методист по охране историко-культурного наследия
Гродненской области*

Теория диалога культур вошла в проблемное поле философии и культурологии в середине прошлого века. Исходя из темы исследования, нас интересуют воззрения, концепции М. М. Бахтина (1895–1975) и его последователя В. С. Библера (1918–2000). В работах М. М. Бахтина в 1920-е гг. была разработана методология взаимодействия культур, в частности диалога культур. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже ... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом ... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур ... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [2, с. 354]. М. М. Бахтин пишет и о диалоге культур между ушедшими цивилизациями (эпохами) и современными культурами: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры) ...» [2, с. 390]. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 335].

Философская концепция диалога культур продолжала разрабатываться В. С. Библером как онтологическая диалогика культур. Владимир Саломонович являлся научным руководителем лаборатории «Диалог культур» в Российском государственном гуманитарном университете. Он утверждал, что каждая культура может найти подлинное и адекватное обоснование только в другой культуре, базирующейся на ином типе разума и понимания. Отсюда вытекает новая версия философии диалога культур, участники которого в терминологии автора – античная, средневековая, Нового времени, современная, африканская или любая другая культуры, которые не являются ступенями на восходящей лестнице прогресса, так как представляют собой логически равноправные, «уникально всеобщие» типы разумения, которые как бы вопрошают друг друга о своих началах и основаниях, не исчезают, пока существует человечество. По В. С. Библеру, в XX в. возникает кризис познающего разума (доминировавшего в Новое время), который обычно воспринимается как общий кризис разумения и необходимость перехода к разным иррационалистическим системам. Но в течение XX в. формируется новый всеобщий разум – разум диалогический как разум культуры. Позиция В. С. Библиера «основывается на анализе той наличной ситуации в бытии современного человека, в котором сопряжение различных культур и ценностных спектров является основой и обыденной, и духовной жизни человека», – поясняет В. Рабинович [11, с. 53]. К исходному понятию феномена «культура» (некая целостность явлений, произведений искусства, философии, теоретической мысли, нравственности, религии) в развиваемой философии культуры В. С. Библером предложены три определения (осмысления) современной культуры, одно из которых особенно важно для рассмотрения проблемы музеефикации памятников археологии. В изложении А. В. Ахутина оно звучит следующим образом: «культура есть форма одно-

временного бытия и общения людей – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и форма взаимопорождения этих культур в точке их общения (на границе, в скрещивании горизонтов)» [1, с. 35–36]. Таким образом, следуя онтологической диалогике культур В. С. Библера, диалог культур – это характеристика, свойственная только современной культуре. А. В. Ахутин пишет, что это своего рода возрождение культур – бывших и сущих, когда культура XX в., сосредоточенная в канун нового XXI в., актуализирует бытие прошлых культур, когда смысловые миры культур всех веков вступают между собой в диалог и во взаимовопрошание, и во взаимостановление в контексте XX в. Диалогический разум современной культуры действительно проникает в различные сферы духовной жизни общества и прежде всего в искусство (кино, живопись), науку, музеи, литературу, мироощущение и миропонимание людей. М. Б. Пиотровский в статье «Музей в диалоге цивилизаций» наглядно иллюстрирует, как музейное пространство генерирует диалог культур, доказывает их равенство и возможность вступать в диалог, сталкивает культуры в диалоге, вырывая вещи из их культурного и географического контекста. «Энциклопедические музеи» используют культурологический подход к истории, создавая международные выставки («Варяги и Русь», «Сокровища золотой орды...», «Петр Великий и Карл XII») [9]. Теория диалога культур востребована в лингвистике, педагогике, музееведении, что позволяет надеяться на то, что начатый нами анализ такого явления современной культуры, как музеефикация памятников археологии, будет логическим продолжением.

Музеефикация является одним из основных направлений в деле сохранения и изучения археологического наследия, поскольку благодаря ей археологический памятник сохраняет свое научное значение и приобретает социальные функции (документирует явления, образовывает, воспитывает), ибо

становится доступным широкому кругу людей. Культурный потенциал таких сохраненных (актуализированных) для общества памятников может проистекать из той особенной, специфической, наполненной аутентичными материальными проявлениями, знаками и символами, среды соприкосновения с культурой ушедшей, но в то же время ощущаемой как необъяснимо ценная, переживаемой здесь и сейчас. В мировой практике первым археологическим памятником, который стал музеем, является древнеримский город Помпеи, раскопки которого начались еще в середине XVIII в. и, по сути, положили начало оформлению археологии как самостоятельной науки. На территории Восточной Европы первым музеефицированным объектом стал античный Херсонес, изучение которого и создание музея начались во второй половине XIX в. Уместно отметить, что первым исследователем Херсонеса был уроженец Витебщины археолог, инженер К. К. Кастюшко-Волуженич (1847–1907). Появление археологических музеев *in situ* в Беларуси – это явление, принадлежащее исключительно XX в. Оно зародилось в 1930-е гг., пробивалось к жизни с конца 40-х и в 50-е гг., наконец получило свое наибольшее развитие в конце 1970-х – 1980-е гг. В истории отечественного музейного строительства музеефикация археологических памятников проявилась в создании целого ряда оригинальных проектов: Старый замок в Гродно (1939, 1951), городище древнего Берестья (1982), Софийский собор в Полоцке (1987), археологический музей в Витебске (1982–1992). На протяжении многих лет велись исследования и разрабатывались проекты музеефикации Минского замчища (1957–1991), городища Замэчак в Заславле (1977–1996), памятника каменного века Неолитические шахты в г. п. Красносельском (1965–1984). Музеефикация памятников археологии в Беларуси шла в трех направлениях: музей средневекового города, музей сакрального памятника, музей производственной деятельности. Основной экспозици-

ей выступал сам памятник – открытые для обозрения материальные остатки деревянных и кирпичных сооружений. Над экспонируемыми объектами обязательно возводился павильон, выполнявший функции защиты законсервированных объектов от воздействий внешней среды, который одновременно является хранилищем и экспозицией. Проекты археологических музеев в Минске, Витебске, Заславле предполагали кроме павильона строительство дополнительных капитальных зданий для музейных целей, создание моделей и реконструкций древних оборонительных сооружений и даже восстановление исторического ландшафта. Создаваемые археологические музеи *in situ*, как правило, получали в БССР статус филиалов уже существующих краеведческих музеев и заповедников. Подробная характеристика проектов археологических музеев в контексте истории белорусской археологии и охраны археологического наследия изложена нами в монографии [10]. Создание музея «Берестье» под руководством доктора исторических наук П. Ф. Лысенко до сих пор имеет не только большое научное, но и культурное значение, так как впервые в истории музейного дела была предоставлена небывалая до сих пор возможность погружения в средневековый быт, в виталитивную* и духовную культуру предков. Количество посетителей в 1980-е гг. составляло свыше 134 тыс. человек ежегодно, а за период с 1982 по 2012 г. музей «Берестье» посетили свыше 3 млн человек из 37 государств [5]. По прошествии более 30 лет со дня открытия музей является востребованным объектом культурной жизни в республике – принимает более 60 тыс. человек в год, ежегодно проводится около 900 экскурсий для посетителей [13]. По примеру «Берестья» в 1980-е гг. под научным руководством археолога Л. В. Колединского из Института истории

* Термин введен впервые в научный оборот археологом Л. В. Колединским. Виталитивная культура – та часть материальной культуры, которая связана с жизнеобеспечением человека. Сюда относятся жилые и хозяйственные постройки, одежда, пища и предметы повседневного обихода [6, с. 212].

Академии наук БССР строился Археологический музей деревянных построек древнего Витебска – филиал Витебского областного краеведческого музея площадью 240 м². Музей работал в незавершенном виде в течение 7 лет. В готовом музейном комплексе предусматривалось строительство двух павильонов: «Древний Витебск XIII–XIV вв.» и «Оборонительный вал XII в.». В 1987 г. коллективом архитекторов, искусствоведов, археологов (П. А. Раппопорт, В. А. Булкин, Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР; В. Г. Слюнченко, Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры БССР) и музейных научных сотрудников был создан Музей истории архитектуры Софийского собора в Полоцке, удачно объединивший далекие по времени памятники XI, XV–XVIII вв. Самым масштабным по планируемому под музеефикацию площадям и наименее результативным с точки зрения практики был проект Музея древнего Минска (авт. Л. Д. Поболь, Г. В. Штыхов, Институт истории Академии наук БССР). Он предполагал восстановление исторической ландшафтной ситуации периода высокого средневековья при впадении р. Немиги в р. Свислочь, сохранение под куполом огромного археологического раскопа, создание модели храма в натуральных размерах и реконструкцию въездных ворот детинца, а также строительство капитального здания для хранения и экспонирования коллекций. Проект нашел воплощение лишь в концепции ученых. С ликвидацией в начале 1990-х гг. на завершающей стадии музея в Витебске и переносом сроков строительства музея в Минске была упущена уникальная возможность создания в республике важных культурных центров. Идею использования реконструктивно-археологического моделирования для музеефикации городища в Заславле содержал и первый проект археологического Музея истории древнего Заславля. Концепция и графическая реконструкция, принадлежавшая археологу Ю. А. Заяцу

(ИИ АН БССР) и художнику Я. С. Кулику, предусматривала восстановление въездной башни и оборонительных сооружений древнерусского города Изяславля. С 1988 по 1996 г. в заповеднике делались попытки подойти к организации археологического музея. Проект Музея неолитических шахт в г. п. Красносельском, созданный сотрудником Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР археологом Н. Н. Гуриной в 1970 г., опирался на большую исследовательскую работу, был поддержан Академией наук БССР, но реализацию плана остановило отсутствие методики консервации меловых стенок шахт.

Все перечисленные проекты опередили свое время. Это касается научной составляющей: масштабов работ, полученных результатов, сохранности вскрытых археологическими раскопками объектов, их количества и разнообразия, впервые примененных методик консервации, которые, исходя из этих критериев, пока остаются недостижимыми в двухтысячные годы. В то же время это были прорывы, не совместимые с господствовавшим традиционным пониманием музея и экспозиции (формационный подход, идея прогресса в развитии общества). Все эти проекты предполагали огромные государственные инвестиции в науку и музейное строительство. С этим «опережением» были связаны и чудовищные коллизии, трудности, с которыми пришлось столкнуться ученым в процессе обоснования перед органами власти ценности музеефикации археологического наследия. Несмотря на огромные усилия ученых, помощь партийных и советских руководителей, часть разработанных проектов музеефикации не была реализована. Это было обусловлено не только отсутствием готовых организационных механизмов, законодательной базы, спецификой консервации различных по материалу сооружений в умеренно континентальном климате. Нам представляется, что отдельными руководителями, впрочем выражавшими, наверное, мнение большей части обще-

ства, в момент разрушения СССР и последовавшего экономического кризиса, доведение всех без исключения проектов до завершения представилось избыточной роскошью. Еще более очевидной причиной является то, что не был учтен огромный культурный потенциал этих проектов для суверенного белорусского государства. Общественное сознание не было готово воспринимать вдруг открывшуюся культуру прошлых столетий как безусловно ценную. Даже учреждения культуры – музеи и Министерство культуры – не сразу и не до конца восприняли музеефикацию недвижимых памятников археологии как неотъемлемую часть своей деятельности. Существенные изменения произошли только в 2000-е гг. На современном этапе состоялись музеефикация храма XII в. в Турове Житковичского района Могилевской области (2005) и замковой башни в Витебске (2007). В д. Юровичи создан музей стоянки первобытного человека, в д. Мотыль Гомельской области построен археологический музей. Созданы археологический музей на Замковой горе в Мстиславле (2014–2016) [12; 13] и археологический комплекс «Радомля – город радимичей» (2014–2017) [23]. На территории Национального парка «Беловежская пуща» в 2019 г. открылся «Археологический музей под открытым небом» на основе городища железного века, своеобразная реплика польского Бискупина. В 2000-х гг. в Гродненский облисполком был представлен проект, разработанный в 2010 г. при содействии Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS), реанимировавший идею создания музея неолитических шахт.

Возникновение музеефикации памятников археологии подтверждает теоретическую концепцию В. С. Библера о современной культуре как бытии, устремленном к диалогу культур, обретающим в нем собственное смысловое бытие, которое воплощается в сфере произведений (не продуктов или орудий) [3; 4]. На наш взгляд, предстоящая благодаря

музеефикации культура прошлых эпох нашего народа может «читаться» как произведение в терминологии В. С. Библера. Он писал, что только сосредоточенная, воплощенная в произведении культура может быть местом и формой возможного диалога. Согласно В. С. Библеру, «любое произведение есть форма, формирующая (а не информирующая) своего зрителя, спутника» [3, с. 176]. Диалог культур, возникший естественным образом в сфере науки, постепенно менял отношение общества к археологическому наследию. На рубеже столетий этот диалог культур стал восприниматься не как чуждость ученых либо способ решения исключительно научных задач, а как естественная потребность саморазвития современной культуры. По В. С. Библеру, произведение культуры есть всегда вновь бытиеначинание, бытиевозможность, оно требует «исполнения», не просто воспроизведения, а творчества. Эти философские наблюдения абсолютно верны по отношению к диалогу культур, происходящему как в границах музеефицированного памятника (музейной среды), так и в более широком смысле – принятии в начале XXI ст. обществом этих «культурных произведений», осознании ценности диалога с культурами прошлых эпох.

1. Ахутин, А. В. Онтологическая диалогика культуры В. С. Библера / А. В. Ахутин // Теоретическая культурология / К. Э. Разлогов (гл. ред.) ; ред. кол. серии: И. М. Быховская, Л. Н. Митрохин [и др.]. – М. ; Екатеринбург, 2005. – С. 34–43 (Серия «Энциклопедия культурологии»).

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

3. Библер, В. С. Бытие в культуре / В. С. Библер // От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991. – Ч. 2. – 413 с.

4. Библер, В. С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков / В. С. Библер. – М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 423 с.

5. Дубицкая, Н. «Открытие Берестья» – тридцать лет спустя / Н. Дубицкая // Веды. – 2012. – 12 марта. – С. 8.

6. *Колединский, Л. В.* Ботанические материалы из раскопок Верхнего замка Витебска как исторический источник по виталитивной культуре белорусского средневекового города / Л. В. Колединский // Ботаника : (исследования) : сб. науч. тр. / Ин-т эксперим. ботаники НАН Беларуси. – Минск, 2008. – Вып. 35. – С. 205–220.

7. *Кулягин, С.* Древний Мстиславль «постарел» на несколько десятилетий [Электронный ресурс] / С. Кулягин // Официальный сайт Республики Беларусь Belarus.by. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/drevnij-mstislavl-postarel-na-neskolko-desjatiletij_i_20541.html. – Дата доступа: 30.09.2019.

8. *Кулягин, С.* Хранитель памяти (интервью Игоря Марзалюка, 17.12.2015) [Электронный ресурс] / С. Кулягин // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/hranitel-pamjati-4548/>. – Дата доступа: 30.09.2019.

9. *Пиотровский, М. Б.* Музей в диалоге цивилизаций [Электронный ресурс] / М. Б. Пиотровский // Philosophy.ru. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/library/7682/7690?print>. – Дата доступа: 25.09.2019.

10. *Почобут, Н. А.* Сохранение и изучение археологического наследия в музеях БССР (1944–1991 гг.) / Н. А. Почобут ; науч. ред. С. П. Витязь. – Гродно : ЮрСаПринт, 2019. – 196 с.

11. *Рабинович, В.* Библиограф Владимир Соломонович / В. Рабинович // Культурология: люди и идеи ; К. Э. Разлогов (гл. ред.) [и др.]. – М. : 2006. – С. 53–55 (Серия «Энцикл. культурологии»).

12. Уникальный опыт «Живой археологии» в Чаусском районе [Электронный ресурс] // Искра. – Режим доступа: <http://www.chausynews.by/?p=22232>. – Дата доступа: 29.09.2019.

13. *Щерба, С. П.* Археологический музей «Берестье» : история, современность, перспективы / С. П. Щерба // Брестчина: история и современность : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2012. – С. 12–15.